

Часть I

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

А. Н. АНФЕРТЬЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «КОМЕДИЯ» СОГЛАСНО СХОЛИЯМ К ДИОНИСИУ ФРАКИЙЦУ

Происхождение слова «комедия», как оно описано в схолии § 2 сочинения «О чтении» Дионисия Фракийца (р. 744, 32—749, 26 Bekker), издавна привлекает внимание всех интересующихся истоками аттической комедии. Как показал Г. Кайбель, содержание этого схолия, как и ряд других сведений по истории комедии, содержащихся в поздних источниках, восходит к «Хрестоматии» Прокла¹. Эта традиция в более или менее близкой форме сохранилась также в трех других текстах, относящихся к тому же источнику: в анонимном трактате из парижской рукописи Regiae bibliothecae 2677², в глоссе из Etymologicum Magnum (s. v. tragoedia), а также в анонимной заметке, имеющейся в некоторых рукописях произведений Аристофана³. Суммируя данные, содержащиеся в этих остатках

¹ *Kaibel G.* Die Prolegomena Peri komoidias. — Abhandl. d. Kgl. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Philolog.-hist. Kl. (N. F.), 2, N 4 (1898), S. 18. Этот вывод помогает отождествлению автора «Хрестоматии» и известного неоплатоника, как показал в своей рецензии Ф. Ф. Зелинский (*Zielinski Th. (rez.)*). — *Wochenschr. f. kl. Phil.*, 1898, 49, Sp. 1339 f.).

² Впервые опубликован Крамером (*Kramer I. A.* Anecdota Graeca e codicibus Parisiensibus. V. I, Oxf., 1839, p. 3 sqq.). Кайбель доказал его принадлежность Иоанну Цеце (*Kaibel.* Op. cit., S. 3 ff.). Ему возражал — неосновательно, как нам кажется, — ван Лёйвен (см. *Cantarella R.* (ed.). *Aristofane. Le commedie.* V. I. — Prolegomeni. Milano, 1949, ad XVI).

³ Последняя публикация текстов этого круга осуществлена Р. Кантареллой, у которого упомянутые тексты имеют NN VIII, XVI (1), XI и XIII.

традиции, легко заметить, что источник Прокла⁴ производил слово $\kappa\omicron\mu\omega\beta\iota\alpha$ от слова $\kappa\omicron\mu\eta$. В то время как известная аристотелевская этимология от $\kappa\omicron\mu\omicron\varsigma$ (Arist. De arte poet. III. 1448 a 28 — 1448 b 2) отодвинута здесь на второй план. Наряду с этимологией от $\kappa\omicron\mu\eta$ присутствует тесно связанная с ней этимология от $\kappa\omicron\mu\iota$. Рассказ, призванный подтвердить эти этимологии, вкратце сводится к следующему.

Аттические крестьяне, то есть жители деревень ($\kappa\omicron\mu\iota\alpha$), которым причинялся ущерб ($\beta\lambda\alpha\tau\omicron\beta\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$) со стороны жителей Афин, приходили в город ночью, во время сна ($\kappa\omicron\mu\alpha$) горожан, и, встав перед домами обидчиков, выкрикивали такого рода слова: «Здесь находится некто⁵ то-то и то-то причиняющий неким из земледельцев и весьма большие убытки им приносящий». Таким образом, они направляли против своего обидчика общественное мнение в лице соседей и, тем самым, как свидетельствует наш источник, добивались прекращения несправедливостей. С течением времени полис оценил общественную пользу крестьянских выступлений и пригласил крестьян выступать с обличительными речами уже открыто, днем, перед публикой. Крестьяне, однако, предпочитая оставаться неузнанными, намазывали перед выступлениями свое лицо винным суслом: вот отсюда-то, будто бы, и взяла свое начало аттическая обличительная комедия с ее масками.

Эти интереснейшие, на наш взгляд, данные еще не получили достаточно убедительного освещения в науке. Частично это объясняется сомнениями некоторых исследователей в аутентичности сообщения. Так, Кайбель решил, что весь рассказ представляет собой истолкование соответствующей фразы из Аристотеля (De arte poet. III), где говорится о комедиантах, бродивших по деревням и лишенных доступа в город. При этом он сослался на «peripatetische Neigung zur speculativen und intuitiven zeit- und personlosen Culturgeschichte»⁶. Заслуга Кайбеля, впрочем, состоит в том, что он обнаружил следы знания такого обычая у Дидима, последнего из великих александрийских филологов. Это очень важно, ибо Дидим был источником для «Хрестоматии» Прокла во многих ее разделах⁷. Нам кажется не слишком смелым предположить, что он

⁴ Так мы будем условно называть источник этой традиции.

⁵ Обидчика по имени не называли.

⁶ Kaibel G. Op. cit., S. 42 ff.

⁷ Ср. Zielinski. Op. cit., Sp. 1339 f.

был источником Прокла и в этом случае. Что же касается отнесения самой традиции в разряд перипатетических спекуляций, — природу ошибки Кайбеля в этом пункте показал уже Зелинский. Кайбель, как строгий филолог, не желает ничего знать о фольклоре и, в результате, не видит ни правдоподобности описания, ни соответствующих параллелей у других народов⁸. Более того, по мнению Зелинского, нетрудно догадаться о первоначальном источнике традиции: им была одна из «Аттид».

Каково же, все-таки, соотношение между данными Аристотеля и источника Прокла?

Основа суждений Кайбеля такова: все античные свидетельства о происхождении комедии основаны на Аристотеле, но в самых важных пунктах противоречат ему. А именно: все, подобно Аристотелю, 1) ставят в связь происхождение трагедии и происхождение комедии; 2) отмечают их развитие от импровизации к искусству; 3) признают более раннее становление трагедии, но 4) отбрасывают этимологию от слова *χομος* или отставляют ее на второй план, и 5) одобряют этимологию от слова *χομη*, тем самым косвенно признавая дорийское происхождение этих двух видов драмы. Вслед за Зелинским мы считаем, что эти утверждения ошибочны. Совпадение по пунктам 1—3 ничего не доказывает, так как в этих положениях Аристотель не мог претендовать на оригинальность (2-й и 3-й пункты касаются голых фактов; разве что в первом можно узреть влияние теоретических построений). Что касается пунктов 4 и 5, то здесь Кайбель неверно толкует факты. Источник Прокла вовсе не отбрасывает этимологию от *χομος*: он не знает ее, а в тех текстах, где эта этимология все же есть, как раз и вилетается аристотелевская струя. Почему источник Прокла не знает этимологии, имеющейся у Аристотеля? Потому что он древнее, — отвечает Зелинский, имея в виду опять «Аттиду». Далее. Источник Прокла не только не подтверждает дорийское происхождение комедии, а, наоборот, всей логикой рассказа опровергает его. Кайбель, конечно, не может не считаться с тем, что в источнике Прокла не сказано ни слова о дорийцах, и он выдвигает фантастическую гипотезу, что в источнике Прокла местная, аттическая традиция подавила первоначальную, дорийскую.

Из вышесказанного следует крайне важный вывод: дорий-

⁸ Ibid., Sp. 1341.

цы, о которых Аристотель (*ibidem*) говорит, что они претендовали на изобретение комедии, беря в качестве доказательства этимологию ее названия, могли делать это, только противопоставив своё мнение отчетливым претензиям самих афинян⁹. Зелинский намечает три линии традиции: 1) (афинская: «Аттида») Комедия возникла из *Rügeliedern* аттических крестьян, от которых она получила имя; 2) (дорийская) Именно потому, что слово «комедия» происходит от *χομῆ*, она не может иметь аттического происхождения; 3) (Аристотель) Спор праздный, ибо слово *χομῶνιδία* происходит от *χομῶς*.

Но главный недостаток рассуждений Кайбеля не в этом. Уже Зелинский в своей рецензии указал, сколь мало похожи те факты, на которые ссылаются дорийцы у Аристотеля, и те, о которых сообщает источник Прокла. Акад. И. И. Толстой в известной статье «Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии»¹⁰, используя выводы Кайбеля, решительно отказался от недоверия в отношении данных источника Прокла и, тем самым, признал их аттической традицией. Но при этом он сделал основой своей гипотезы о происхождении общенной и в то же время политически острой аттической комедии как свидетельство Аристотеля, так и свидетельство источника Прокла, считая, что речь идет об универсально-греческом обычае. Он приводит фольклорные параллели к вышеописанному обычаю из Древнего Рима, Германии, Северного Уэльса, Украины и Испании. Но в этих параллелях нет одного существенного элемента нашей традиции: крестьян, приходящих в город. В то же время эта деталь имеет решающее значение при сравнении с данными Аристотеля, ибо у последнего комедианты бродили по деревням и не были приняты в городе. Бродили, конечно же, с общепонятными, не привязанными к определенному месту представлениями, которые хорошо известны науке как дорийский фарс. Мы не хотим, правда, сказать, что параллели, приведенные Толстым, недостаточно убедительны, — мы только подчеркиваем, что нельзя смешивать обычаи такого рода «инвективного пения» с теми зачатками сценического искусства, о которых говорится у Аристотеля. Возможно, что эти

⁹ Такой вывод вступает в противоречие с общепринятым текстом Аристотеля. На основании вышеизложенного Зелинский требовал изменить текст, видимо, не замечая того, что только заменяет старую конъектуру на рукописное чтение. Подробному обсуждению текста Аристотеля мы рассчитываем посвятить специальную работу.

¹⁰ Цитируем по: Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.—Л., 1966, с. 73—79.

примеры действительно могут служить параллелями к интересующему нас аттическому обычаю (это требует специальной проверки), но у нас нет никаких оснований предполагать наличие такого обычая у дорийцев.

Осторожность в анализе этого обычая должна быть проявлена еще в одном направлении. Кайбель говорил о Spott- и Rügeliedern в источнике Прокла, ему вторили Зелинский¹¹ и А. Кёрте¹², а Толстой назвал эти песни инвективными. Нам кажется преждевременной любая попытка характеризовать подобным образом те выкрики, которые издавали крестьяне перед домами своих обидчиков. Источник дает нам образчик их: он прозаичен, сух и информативен; в нем нет ни мелодической структуры, ни насмешек, ни брани¹³. В то же время в контексте нет ни слова о пении.

Нельзя обойти также вопрос об истинной роли этого обычая в формировании аттической комедии. Мы не собираемся следовать за источником Прокла в том, будто именно этот обычай и породил комедию. Однако такого рода традиции могли сыграть роль в процессе складывания сценического искусства и, в частности, придать аттической комедии особый отличительный характер. Разумеется, вопрос о происхождении комедии признанием этого факта не решается. Мы считаем настоятельной необходимостью классификацию и типологическую интерпретацию различных обычаев, которые могли сыграть аналогичную роль.

В связи с последним замечанием мы хотим отклонить как параллель одно свидетельство Варрона, сохраненное римским грамматиком Диомедом (IV Cantarella)¹⁴. В нем говорится, что слово «комедия» происходит от *χομαι*, так как аттическая молодежь имела обыкновение ходить по городским кварталам и, *quaestus sui causa*, произносила песни такого рода (какого — не указано: *vestigium epitomatoris*). В этом сообщении характерно то, что правильно переведено слово *χομαι*: *vici*. Это явно свидетельствует не в пользу мнения Кайбеля, который и этот

¹¹ Уже Зелинский (Op. cit.) сравнивал этот обычай с немецким *Naberfeldtreiben*, в котором большую роль играют *Rüppeliedern*. Толстой ссылался на Э. Вюста, как автора этой параллели (*Wüst E. Skolion und Γεφυραϊον in der alten Komödie*. — *Philologus*, 1921).

¹² *Körte A. Komödie (griechische)*. — *RE Pauly-Wissowa*, s. v. (1922), Sp. 1207. Кёрте шел за Кайбелем и в общей оценке текста.

¹³ См. выше.

¹⁴ В качестве дополнительного аргумента для своего построения его брал Толстой (указ. соч., с. 79).

текст считал истолкованием фразы из «Поэтики»¹⁵. А от обычая, описанного в источнике Прокла, это сообщение отличается одной разительной деталью: *quaestus sui causa*. На наш взгляд, здесь идет речь об обычае, аналогичном русскому колядованию, тем более что соответствующие примеры из Греции хорошо известны. Но это уже совсем особая тема.

Т. Т. ВОЛЬШТЕИН
ВЫСТУПЛЕНИЕ АВИДИЯ КАССИЯ,
ЕГО ПРЕДПОСЫЛКИ И ХАРАКТЕР¹

Весной 175 года, во время Маркоманнской войны, когда основные военные силы Римской империи во главе с правившим тогда Марком Аврелием были сосредоточены на Дунае против варварских племен, наместник Сирии Авидий Кассий объявил себя императором и захватил власть на Востоке. Об этом событии повествуют Юлий Капитолин и Вулкаций Галликан, писатели Истории августов, а также Иоанн Ксифилин в переложении 71-й книги Римской истории Диона Кассия².

Авидий Кассий считался лучшим полководцем своего времени и пользовался доверием Марка Аврелия³. В начале Парфянской войны 161—165 гг. суровыми, доходившими до жестокости мерами он восстановил в армии дисциплину, расшатавшуюся за долгий период мирного времени⁴. Под номиналь-

¹⁵ По мнению Кайбеля, Диомед пользовался тем же источником, что и Прокл. Мы считаем, что зависимость латинских грамматиков от этой традиции — это вопрос, требующий нового, тщательного изучения. Между прочим, Зелинский обошел этот важный пункт в своей рецензии, видимо, чувствуя шаткость предположения Кайбеля. Разумеется, данный раздел Диомеда в этом отношении вообще не показателен.

¹ В последних работах зарубежных авторов по этому вопросу см.: *Carrara Thomas F. Il regno di Marco Aurelio*. Torino, 1953, cap. V «La pressione delle masse. Usurpazione di Avidio Cassio», pp. 143—155; *Görtitz W. Marc Aurel. Kaiser und Philosoph*. Stuttgart, (1954), Kap. «Politik des Missverständnisses», S. 196—210.

² *Scriptores historiae Augustae*, ed. *Hohl E.*, v. I. Lps., 1955, *Vita Marci Antonini Philosphi Iuli Capitolini*, pp. 47—73; *Avidius (Cassius) Vulcacii Gallitani v. c.*, pp. 85—97; *Cassii Dionis Cocceiani Historiae Romanae quae supersunt*, t. IV, Lps., 1818, *libri LXXI excerpta per Xiphilinum*, pp. 164—194. Относительно исторической ценности этих источников см.: *Klebs E. Die Vita des Avidius Cassius*, in «*Rhein. Mus.*» No 43 (1888), S. 321 ff.; *Straub J. Studien zur Historia Augusta*. Bern, 1952, S. 112 ff.

³ *SNA, Vulc. Gallic., Avid. Cass.*, I, 2; V, 5—12.

⁴ *Ibid.*, III, 8; IV—VI.